К.Ю. Ерусалимский

NATIONE MOSCHUS: ИДЕНТИЧНОСТЬ ВЫХОДЦЕВ ИЗ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ XVI – НАЧАЛА XVII в.

Формирование идентичности «московита» в Польско-Литовском государстве XVI–XVII вв. является результатом интегративной политики в отношении эмигрантов из Российского государства и осмысления единства и различия русских земель в рамках дихотомии *русский* / *московский* польско-литовской ренессансной мысли. В связи с этим обсуждаются проблемы социального самосознания, социокультурных представлений и политико-правового статуса московских перебежчиков на польско-литовских землях.

Ключевые слова: социокультурные идентичности, этничности, Восточная Европа раннего Нового времени, российская эмиграция, московиты в Европе

Сотворение на просторах некогда единой и уже давно расколотой Русской земли литовско-белорусских и украинских идентичностей на Люблинском сейме 1569 г. не вызывало всеобщего согласия, и, конечно, не ослабевали поиски общих корней, истоков, первенства и исконного права на господарство «всея Русии», «totius Russie», «wszytkiej Rusi» и т. д.[1] Однако в Речи Посполитой вплоть до конца XVI – начала XVII в. имперская идея уступала культурному полиморфизму и федералистским тенденциям, а это, в свою очередь, обрекало идею общерусского единства в составе московских и польско-литовских русских земель на призрачное положение православной утопии или деструктивной промосковской идеологии[2]. С точки зрения жителей Польско-Литовского государства XVI в., Великое княжество Московское было населено людь-

© Ерусалимский К.Ю., 2011

ми, говорящими на «русском» языке, исповедующими «русскую» веру и происходящими от одного отца со всеми «русскими». С другой стороны, для них подданные «Московита», т. е. великого князя московского, были не русскими или не совсем русскими, а такими же, как и их великий князь, – московитами. Альтернативы для самоидентификации у выходцев из Российского государства, по-видимому, не было, хотя и украинские, и белорусские русские того времени также не имели строгих маркеров ни для различения друг друга, ни для дистанцирования от московских русских[3]. Белорусы уже в конце XVI – начале XVII в. пользовались «своими именами»: само понятие «Белая Русь» известно европейской картографии в форме «Alba Ruscia» уже в трактате «Descriptiones terrarum» середины XIII в. (около 1255–1260 гг.), однако до конца XVI в. его значение и территориальный охват были неустойчивыми и обычно не касались земель нынешней западной Белоруссии, а в XVII в. конкуренцию ему в идентификации местного населения продолжали составлять «Великое князство Литовское» и «Литва»[4]. Понятие «Украина», с трудом отличаемое в Ипатьевской летописи уже в XII в. (с 1187 г.) от окраин Руси, после Люблинской унии обозначало территорию Киевского и Брацлавского воеводств, а позднее – еще и Черниговского воеводства, реже Подолья, Волынского, Русского, Белзского воеводств Короны Польской, а в эпоху Казаческих войн середины – второй половины XVII в. наряду с «Роксоланией», «Росией», «Малой Росией», «Малороссией» и казаческими терминами приобрело отчетливые политические очертания в идентификации восточнорусского населения Короны Польской[5].

Впрочем, значительно раньше, чем белорусские и украинские этнонимы, возник «моск», «московит» или «москаль». Дихотомическим коррелятом *московскому* в польско-литовских источниках был *русский*, и от этого ситуация *москаль* / *русский* чем-то напоминает позднейшую дихотомию *россиянин* / *русский*. Чем-то – это, прежде всего, почти полным безразличием самих «москалей» и «россиян» к своим экзоэтнонимам, по крайней мере, до того момента, когда их кто-то так именует в межкультурной повседневности. Иначе говоря, так же как более ранние «москали» не считали себя москалями, более поздние «россияне» не придавали особого значения своей «российскости». При этом не-москалем и не-россиянином в обеих парах выступали люди, убежденные в том, что их следует

отличать от своих дихотомических собратьев. Однако если в первом случае москалям противостояли недифференцированные никакой иной этничностью «русские» Короны Польской, Великого княжества Литовского и Швеции, то во втором этническая дифференциация расколола самих «русских» на украинцев, белоруссов и литовцев, из-за чего и сама дихотомия служит не столько – если вообще сколько-нибудь – их консолидации, сколько обособлению от себя «россиян» и своеобразному изъятию у них угрожающей для всех остальных «русских» идентичности.

Московские «меньшинства» на землях Речи Посполитой долгое время не были предметом изучения. Российские историки видели в них «отверженных» российской действительности, а в польской историографии этнические и политические меньшинства были традиционно острой и многоаспектной темой, но проблема эмиграции из России в Речь Посполитую на фоне конфронтации Польши с Российской империей, а затем Советской Россией и СССР имела неблагоприятный для науки идеологический фон. В потоке публикуемых источников и аналитических работ выявился круг концепций, которые послужат для нас исходными постулатами в этой работе, хотя некоторые из них звучат, возможно, и не вполне доказанными.

Прежде всего, сейчас ясно, что тезис о массовом колонизационном движении из Южной Руси в Северо-Восточную в XIII–XV вв. и из Северо-Восточной Руси в Западную и Южную в XV – первой половине XVII в. не находит обоснования в источниках. Первое значительное по масштабам переселение из России на земли Речи Посполитой после Смутного времени началось в годы, прямо предшествующие Казаческим войнам середины XVII в., и дополнилось уходами старообрядцев в годы церковной реформы. Программное заселение Украины и Белоруссии выходцами из России в годы русско-турецких войн и разделов Речи Посполитой в последней трети XVIII в. не имеет никаких «предпосылок» и «генезиса» в предшествующих миграциях на русских землях. С другой стороны, численность московитов различного социального происхождения в первом – третьем поколениях на русских землях Речи Посполитой во второй половине XVI – начале XVII в. была настолько высокой, что вызвала проблему меньшинства российского происхождения и специфические, а в ряде случаев – уникальные, практики для их интеграции в польско-литовское общество.

Круг слов, фиксирующих московское происхождение личности в этот период, довольно широк: «Moschovita» / «Московит», «Moschus» / «Моск», «Moschua» / «Москва», «Moskal» / «Москаль», «Moskwicin» / «Москвитин», «Moskiewka» / «Московка», встречаются уменьшительные «Москалик», «Moskalenia», формальные отчества «Москвич», «Московчич», «Мосыкович», «Moskalow», «Москалевич», «Москвитинович», «Москотневич» и фамильные по форме прозвища «Москалницкий», «Moskowiecki». Ранние упоминания «москалей» (1389) и «московок» (1435) охватывают жителей Москвы и Великого княжества Московского, не распространяясь на жителей независимых русских великих княжеств и вечевых республик. При этом Москва входила в сознании восточных европейцев в круг «русских земель». Под 1435 г. псковские и литовские источники XVI в. сообщают о походе на Вильну «руси московской» в войске Свидригайлы[6]. Немецкие хронисты в событиях конца XIV – начала XV в. говорят о «короле Москвы» («könig von Moskow») и позднее – о московитах как о русинах или рутенах («Russen», «Ruteni»)[7]. В XIV–XV вв. понятия «Ruthenia» и «Ruthenus» были унаследованы польской географией от античных авторов: в сочинениях Цезаря и Плиния Старшего «Ruteni / Rutheni» – обозначение одного из кельтских племен, а в папских буллах и латиноязычных текстах Короны Польской и подчиненных ей с первой половины XIV в. русских земель относится к жителям Русской земли[8].

В церковном дискурсе дихотомия *московского* vs. *русского* уже в первой половине XV в. наполнилась этическими коннотациями. Противостояние между Польско-Литовской унией и Великим княжеством Московским за право на первый престол в церковной иерархии вызвало серию взаимных проклятий, вжившихся в структуру квазиэтнических номинаций. Сергий Радонежский, как известно, видел бесов в литовских шапках. Понятие «литвин» в Москве наполнялось контекстуальными значениями «язычник», «католик», «вероотступник». В Великом княжестве Литовском «московиты» в сходных церковно-политических контекстах были осмыслены как вероломные враги христианства. «Москвитина» митрополита Герасима великий князь Свидригайло Ольгердович в 1435 г. приказал сжечь по подозрению в шпионаже. После Флорентийской унии и ее признания в Вильне и Киеве Москва для официальной православной церкви Польши и Литвы стала «землей схизматиков», а ее авто-

кефальный глава Иона – «сыном зла»[9]. В конце XV – XVI в. в языке польско-литовских интеллектуалов, и во многом благодаря популяризаторам «Польской хроники» Я. Длугоша – М. Меховскому, Б. Ваповскому, М. Кромеру и др., сложилась дихотомия *русские* vs. *московиты*, подчеркивающая различия между родственными народами двух враждующих государств[10].

К «московитам» относят подданных великого князя московского, однако вплоть до Ливонской войны выходцы из северских земель, Твери, Новгорода, Пскова и др. в Польско-Литовском государстве иногда выступают с их признанными в Короне и Литве политонимами «со Твера», «Новгородец», «Псковитин» и т. п. Выходцы из русских земель на литовской службе сохраняли в прозвищах память о своем отечестве и выступали под его именем в одном ряду с литовскими полочанами, волынцами и т. д. или даже непосредственно в их рядах[11]. Среди них в переписи войска ВКЛ 8 мая 1528 г. Иван Вязмитин, Иван Путивленин, Василий Воротынец, Павел Воротынец, господарские дворяне Гришко Таруса, Карп Бранец, Иван Резанец[12].

В отношениях между Россией и Речью Посполитой несанкционированное пересечение границы квалифицировалось с конца XV в. как государственная измена. С неизбежностью для совершившего это преступление он превращался в «изменника» или «здрайцу». Понятие «измена» распространялось и в России, и в Речи Посполитой на перебежчиков всех слоев, однако на российской стороне в нем не было ни юридической определенности, ни контрольных механизмов в его употреблении. В годы Смуты слова «изменник» и «вор» использовались каждой из сторон конфликта в отношении всех противников в конкуренции за власть и целых регионов. К тому времени ничего принципиально не поменялось в социальной семантике этого понятия и в его охвате. Все категории населения, переходя на сторону врага и становясь его сообщниками, признавались изменниками царя, а вслед за тем – православия, земли, предков и т. д. В правление Избранной рады были разработаны церемонии коллективной лояльности, принявшие на первых порах формы «проклятых грамот», крестоцеловальной круговой поруки и соборов «покаяния». Возможно, тогда же возникло обвинение по «слову и делу государевым», наполнившее новым смыслом санкцию за «измену» в кругах высшей аристократии, а также

позволившее ограничить, а в годы опричнины – полностью уничтожить право церкви на «печалование» за изменников.

Выезд аристократов и детей боярских из России нередко проходил в несколько этапов. Пересечение границы облегчалось, если в руках у перебежчика был пропуск на проезд в королевские владения – «лист отвартый» от короля, панов рады или старост. Без документа человек выезжал на свой страх и риск, не имея гарантий безопасности. Пойманный перебежчик направлялся в расположение ближайшего приграничного старосты, где допрашивался и проверялся на причастность к московской разведке. Затем московит, по согласованию с высшими сановниками, переходил под власть старосты или направлялся с рекомендательным письмом к гетману, королю, на сейм. Известно, что в апреле – начале мая 1564 г. у Курбского возникли непредвиденные трудности на ливонских землях, когда князь был допрошен с пристрастием в Гельмете и ограблен немецкими кнехтами в Эрмесе. Прибыв в Вольмар, он попал в распоряжение кн. А.И. Полубенского, а от него, заручившись приглашением, отправился к М.Ю. Радзивиллу, после чего оказался на сейме в Бельске[13]. Пример Курбского не является исключением. В мае 1567 г. сын боярский Никифор Смолин приехал в Витебск вместе со своими служебниками. Воевода витебский, проведя допрос, направил его с рекомендательным письмом к гетману[14].

В противовес московской этике подданства, в Речи Посполитой переход московита на королевскую службу расценивался как подвиг. Подчеркивалось, что королевская служба открывает для перебежчика «права и свободы», его жизнь и благополучие гарантировались королевским «опатреньем» (ср. польск. *opatrzenie* – опека, защита) и выплатами на «хлебокормленье», в зависимости, прежде всего, как уже говорилось, от возможности перебежчика подтвердить свой российский статус. Представители боярской аристократии, дети боярские, дьяки и стрельцы получали вознаграждение за выезд деньгами и тканями, земельные наделы, иногда – ежегодные денежные выплаты из казны Великого княжества Литовского. Вместе с тем из привилегий местной шляхты первым поколениям московитов приходилось довольствоваться лишь правами подачи исков и «обороны», получения «вижей» и «возных» для расследования преступлений и внесения в актовые книги жалоб в судах всех инстанций. Это было неизбежное неполноправие: московиты, как

и прочие чужеземцы, до вступления в родство с кланами местной шляхты не могли быть свидетелями при заключении сделок, выполнять юридические миссии, занимать судебно-административные должности. Закрыта для первого поколения московитов была и лестница высших и локальных государственных должностей («дигнитарств» и «урядов»). В этом положении не было никакой этнической подоплеки. Норма о предоставлении урядов только «прирожденным и тубыльцом», т. е. местной шляхте, вошла еще в Первый Литовский Статут 1529 г. и относилась в равной мере ко всем чужеземцам, в том числе к «братьям полякам» (разд. III, арт. 1)[15]. На Люблинском сеймс 1569 г. шляхта, за спиной которой угадываются литовские магнаты (и прежде всего, видимо, Я.И. Ходкевич и М.Ю. Радзивилл), апеллировала к королю, потребовав лишить чужеземцев А.М. Курбского и В.С. Заболоцкого их староств Кревского и Ляховицкого. Король отклонил протест, ссылаясь на свое личное право распоряжаться этими старостваами, однако по сути в ближайшие два-три года выполнил требование сейма.

Самые знатные из московитов получали статус «дворян его королевской милости». Помимо престижа и перспектив в королевской гвардии, в том числе в чине королевского ротмистра, этот статус имел понятную для бывших холопов государева двора подоплеку: дворянин часто сопровождал короля, много времени проводил при дворе и в свите короля, получал судебную защиту на прямом королевском суде, в том числе в конфликтах с шляхтой той местности, где располагались пожалованные ему имения, известно и о том, как королевские дворяне выполняли особые поручения – разрабатывали планы покорения Москвы (А.М. Курбский), вели от имени короля переписку с литовскими магнатами (В.С. Заболоцкий), отправлялись в посольства (А.В. Сарыхозин).

Король и его окружение прилагали усилия, чтобы московитам не докучали обвинениями в измене. Царю Ивану IV в ответ на его чрезмерный интерес к судьбе нескольких видных изменников отвечалось, что их «измена легка» или и вовсе ничтожна. Недоверие царя к своим «холопам» вызывало удивление в Речи Посполитой и подогревало готовность к переговорам с боярской думой о переходе на службу к королю. Феноменом российско-польских отношений было бытовавшее среди самих московитов представление о единстве Московской и Польско-Литовской Руси. С этой точки

зрения, переход на королевскую службу вообще не был побегом из отечества. Видеть в этом представлении возрожденное единство Русской земли было бы, видимо, ошибкой перенниализма. Однако как раз в эпоху польско-литовского ренессанса эта «ошибка» прочно вросла в историческое сознание, обрамлялась пышными мифами и родословиями. А.М. Курбский был убежден, что падение Полоцка и посрамление московских воевод в 1579 г. было унизительно для всех «сынов русских», понимая под «русским» всю территорию некогда единой Русской земли, которую он называл Святорусским царством (Святорусской империей).

Статус перебежчика из России в Речи Посполитой зависел, прежде всего, от его статуса в прежнем отечестве. Подобие восточноевропейских социальных иерархий было осмыслено в глоссах и лексических комментариях А.М. Курбского в «Истории о князя великого московского делех» и других сочинениях, написанных им за границей. Перевод был, видимо, не вполне ясен для его современников, отсюда двусмысленность его лексических этюдов. Аналогии между «панами великими» и «боярами», «писарями» и «дьяками», «гетманами» и «воеводами», «дворянами» и «шляхтой» были для польско-литовских современников Курбского общими ориентирами, позволявшими сравнивать не всегда сопоставимое. С другой стороны, даже в омонимичных для «русских» языков России и Польско-Литовского государства лексемах, вроде «князь», «дворянин», «народ», нередко скрывались глубокие семантические расхождения. Впрочем, сращивание «русских» языков в сборниках, составленных при участии Курбского, служит независимым аргументом в пользу того, что лексические подобия и переводимость были показателем потенциального родства также между общественными устройствами.

Лишний раз эта гипотеза подтверждается бытованием статусных характеристик, применяемых к эмигрантам из России в Речи Посполитой. Если следовать по пирамидальной средневековой иерархии сверху вниз, то можно заметить, что, переходя под власть польских королей и великих князей литовских, московские князья сохраняли свой княжеский титул, при этом никто из московитов нетитулованных и утративших княжеский титул до выезда из России не присваивал его себе в новом отечестве, дети боярские – скорее в ущерб своим правам – так и оставались детьми боярски-

ми и постепенно, нередко по прошествии многих лет, утрачивали это статусное определение, став полноправными шляхтичами, православное духовенство не должно было испытывать никаких затруднений в поиске соответствий своего московского прошлого статусным реалиям православного мира Речи Посполитой, это же касается социальных низов – стрельцы занимали близкое к шляхте положение и оставались «стрельцами», дворцовые слуги занимали сходные с московскими должности на королевском дворе.

Московитов на королевском дворе, при магнатских дворах и в церкви середины – второй половины XVI в. было немного: около десятка псарей, сокольничих и осочников, еще столько же королевских дворян, несколько духовных лиц из числа московских еретиков и странников, примерно 50 человек составляли особое подразделение на королевской службе и в общей сложности около сотни детей боярских после походов Стефана Батория входили в окружение короля, князей, магнатов.

Прежде всего, знатные московиты были частью «большой игры» политиков Речи Посполитой. Они представали перед российской верховной властью в образе спасенных и освобожденных с тонущего корабля московской тирании. Курбский в этом качестве выступал неоднократно, и для него эта роль была, видимо, органична, так как он был убежден, что в Москве правит тираничный, по меньшей мере в трех поколениях, род великих князей, и считал себя даже не перебежчиком, а изгнанником «от милого отечества». Во время подготовки Псковского похода Стефана Батория в похожем качестве выступил Д.И. Бельский, которому было поручено исполнять роль приближенного к Ивану IV изгнанника, обличителя царских послов и советника в стратегии наступления королевского войска. Впрочем, нельзя исключать, что Бельский, сознательно или нет, оказался в роли двойного агента, раскрыв царским послам планы короля. Московские послы, прибывшие к королю Стефану от царя Федора Ивановича, дискредитируя нового перебежчика – М.И. Головина, ссылались на то, что им известно о консультациях между королем и Д.И. Бельским, и намекали, что эти консультации привели к неудаче королевского похода на Псков. Перед началом переговоров на Киверовой Горе таким же приемом воспользовалось окружение короля и канцлера Яна Замойского, выставив московским послам свою креатуру осведомленного перебежчика – Ф.И. Зубатого.

О многих шляхтичах московского происхождения на рыцарской службе мы узнаем из обрывочных – нередко в буквальном смысле – источников. Так, служебник кн. Ф. Острожецкого Головни по имени Иван выступает в источниках в трагический момент: московит был ранен выстрелами из лука в живот и под левую лопатку в доме Острожецкого во время стычки с его гостями 1 сентября 1563 г. и той же ночью умер[16]. Еще один Иван был слугой подключьего луцкого Василия Езерского. Королевский дворянин Семен Иванович 22 апреля 1569 г. обвинил Езерского в том, что он вместе со своими служебниками силой, «поотбивавши замки от пушкарни везенья ключового» освободил посаженных в тюрьму за невыплату налогов луцких евреев. Когда сборщик узнал об этом, он отправился в замок, откуда навстречу ему бросились В. Езерский и А. Жоравницкий. В начавшейся тут же вооруженной потасовке Иван был пойман и посажен в замковую тюрьму[17].

Не менее бурной и чреватой опасностями была служба крупным магнатам. Иной раз московиты сталкивались между собой в противостоянии магнатских кланов. Уникальные сведения дошли до нас в источниках, относящихся к локальным войнам Острожских и Заславских в 1570-е годы на Волыни. Гаврило Москвитинович служил кн. К.К. Острожскому. В реестре выплат по имению Березdово 1576 г. он в числе людей, которые «улицею седят» и платят за землю 10 гр. и за дом 2 гр.[18] Видимо, он же выступает в записи кременецкой гродской книги от 28 июля 1575 г. под именем «Гаврило Москотневич» как берездовский подданный Острожского. В числе других берездовских подданных Гаврило «на кгвалте» был пойман в имении Семаки, принадлежавшем «земянину» князей Заславских Ивану Косовичу. В кременецкой замковой тюрьме 27 июля он дал показания о побеге с цепи одного из их содельников[19]. Острожский через своего уполномоченного потребовал, чтобы имение Косовича было присоединено к Березdову. Заключенные пожаловались, что обращение с ними было неподобающим: «бо, деи, нас як быдло гнано и в шию бито»[20].

Значительной фигурой на службе Острожского был Агиш Сарыхозин. Он бежал из России вместе с братьями Алексеем, Умаром и Прокопием Шемякой около начала 1564 г. Его имя московская дипломатия относила к категории первостатейных «изменников». Не обошли его вниманием и в новом отечестве. Он – прославленный

господарский, а затем королевский дворянин, королевский гвардеец и ротмистр, на закате жизни посол в Семиградье. Наряду с братом Умаром и Т.И. Тетериным Агиш принял участие в захвате Изборска и пленении его гарнизона в 1569 г., что было встречено похвалами на объединительном Люблинском сейме. Должность урядника Острожского он покинул, видимо, в первые годы правления короля Стефана. Вместе с именами московитов В.С. Заболоцкого, О. Измайлова и др. имя «Agis» неизменно встречается в реестрах денежных выплат гвардии Стефана Батория. В конце жизни А.В. Сарыхозин получал пожизненную пенсию из господарской казны, скупал выморочные земли, ранее принадлежавшие московитам, и сколотил крупное состояние, распавшееся после его беспотомной смерти около 1594 г. Благодаря гербовникам Б. Папроцкого и Ш. Окольского Агиш прочно вошел в польскую историю в роли урядника и ротмистра Острожского, храбро сражающегося с татарами[21].

Из России происходили доли процента горожан в украинских замках середины – второй половины XVI в. Зафиксированы пушкари, стрельцы, есть очень скупые упоминания рабочих-строителей. Около 4–5 % коронных казаков в первом сохранившемся реестре запорожцев 1581 г. указывали свое московское происхождение. После походов Стефана Батория и в Смуту в Речи Посполитой остались московитки – помимо жен пленных и перебежчиков, их много в прислуге и замужем за казаками.

Отсутствие юридического рабства в Короне и его формальная отмена в Литве в конце XVI в. вступили в противоречие с практикой порабощения военнопленных и жителей оккупированных территорий[22]. Рабство в Речи Посполитой приобретало в годы войны московские очертания, закладывая взрывоопасный социальный смысл в квазиэтничность московско-русских отношений. Московит – не только варвар, раб своего тирана, но и неизбывно раб, челядин на землях польского короля. Смысловое наполнение слова «московит» приближалось к этнониму «славянин», «склавин», «ас-сакалиба» домонгольской восточной Европы. Прежде всего это касалось московских женщин. В результате военных операций королевских войск на московских землях, особенно после походов Стефана Батория и российской Смуты, в Речи Посполитой было множество московских невольниц. В военный лагерь Стефана Батория в России приходили «бедные московские женщины» («mulieri Moschoe pau-

pere»)[23]. В магнатских домах после Ливонской войны ценились «девушки московки» («dziewki moskiewki»)[24]. Пестрят сообщениями о службе московок («czeliadzi moskiewek niewolnic») у шляхты региональные актовые книги гродских и земских судов[25].

Судьбы крестьян, горожан и челяди российского происхождения чаще всего невозможно достоверно связать с их биографиями до выезда из отечества, впрочем, распоряжения литовской рады времен Ливонской войны показывают, что все недоказавшие свой привилегированный статус в России расценивались как единая масса «простых» людей, которая распределялась в зависимости от потребностей замковых старост, замков и их округ. В состав держателей городских имений попадали и привилегированные московиты. Например, сын боярский Иван Юрьевич Ододуров по королевскому привилею от 16 января 1580 г. получил «на страву и на выховане» небольшую ежегодную пожизненную пенсию[26], а 20 августа 1591 г. староста берестейский Ян Кишка выдал ему разрешение на «пляц замковый» на р. Буг в Берестье[27].

Более динамичным общественным слоем было казачество. Его генетическую связь с Москвой подчеркивали все короли от Сигизмунда I до Сигизмунда III, однако причиной для подобных обобщений были, прежде всего, трения между польско-литовским казачеством и Османской империей, в которых польские короли использовали «московский» риторический ресурс, чтобы отвести обвинения Стамбула в том, что нападения на причерноморские и приазовские замки инспирированы властью Речи Посполитой. Тем не менее московитов среди запорожских казаков было немало, и среди них могли быть как простые люди, так и дети боярские или выходцы из рядов донского казачества.

Интеграция для выходцев из России не была простым делом, несмотря на близость между «русскими» культурами и уже отмеченное нами выше родство социальных иерархий двух соседних государств. Для служилых людей пути приспособления пролегали через укрепление ленного права на пожалованные королем «до воли и ласки» земли, конфликт и/или компромисс с местной шляхтой, брак с шляхтянками. Видимо, наследием эпохи княжеских миграций было то, что в ряде случаев московиты получали земли в совместное держание. С конца XIV в. великие князья литовские приглашали на службу иноземцев, в большом числе – татар, поляков, немцев, молдаван, а

также выходцев из русских княжеств. Тенденция создавать гнездовые поселения хорошо просматривается в татарском землевладении ВКЛ со второй половины XIV в. К этому же образцу приближались и поселения детей боярских из России в XVI – начале XVII в.

Московиты, как и татары, определялись не этничностью, а предшествующим политическим подданством. Среди них, как и среди татар на землях Великого княжества Литовского, были этнически разноликие группы и отдельные люди – русаки из московских владений, татары, черкасы, литвины и др. Пути интеграции в литовское общество для татарской знати второй половины XIV – XVI в. находят аналоги в интеграции московских переселенцев второй половины XVI в. – татары получали право переходить из плена в круг свободных землевладельцев, свободно выехавшие получали землю и статус, близкий к «господарским боярам» или татарам-казакам, вступали в родство с местной шляхтой и селились вокруг центров ВКЛ, а также на юге Аукштайтии и вокруг Киева. Татарская знать сохраняла традиционные титулы, включая царские, маркирующие принадлежность к роду Чингизидов. Аналогию с татарами нетрудно обнаружить в том, что московиты сохраняли княжеский титул, упоминались в чинах боярина, детей боярских, стрельцов, дворцовых слуг.

Есть и важные отличия. Татарское землевладение было защищено ограничениями на право распоряжения – шляхте запрещалось скупать татарские имения и, наоборот, татары не могли приобретать земли шляхтичей. На московитов подобные нормы никогда не распространялись. Впрочем, законодательные ограничения не защитили татар от утраты имений, описанных в «Ревизии татарских имений в Великом княжестве Литовском» Яна Кирдея (1628–1631 гг.). С другой стороны, московитов, в отличие от мусульман (с 1565 г.), не ограничивали в приеме на свою службу христиан и иноверцев. Конечно, в отличие от татар, сохранивших верность исламу, московиты не испытывали трудностей в вероисповедании. Татары, осевшие в ВКЛ по воле великого князя Витовта Кейстутовича, согласно Ж. де Ланнуа и Я. Длугошу, сохранили мусульманство и жили отдельными анклавами, в отличие от татар, переданных Витовтом в Корону Польскую королю Владиславу IV Ягелло, – те были крещены в католицизм и, по словам Длугоша, «составили единый народ с поляками»[28].

Превращение московитов из Великого княжества Московского в московитов из России существенно не изменило земельную политику господарей. На господарских владениях сюзереном считался господарь, что наделяло московитов статусом «слуг господарских», но это был не вполне комфортный статус в повседневной жизни русских поветов. Распоряжение землей было допустимо для московитов только с согласия короля, а некоторые операции – с согласия короля, панов рад и сейма. Княжеская нобилитация была редкостью во владениях титулованных московитов, однако такие случаи во второй половине XVI в. все же известны. Курбский наделил шляхетством и феодальными владениями на Волыни и в Упитском повете ВКЛ своих слуг Ивана Келемета, Кирилла Зубцовского, Александра Кенига и др.

В большинстве случаев, формально, создателем коллективных поселений московитов был господарь – великий князь литовский. При этом, в первую очередь, учитывалось, что московит не защищен в борьбе с магнатскими и шляхетскими кланами. Расправа над слабым была неизбежна в социуме, где вооруженный конфликт был высоко ритуализированным институтом и условием равновесия. Вдова московита Ф. Бедрынского усыновила Ф.Б. Бунакова, происходящего из обширного рода московитов-служебников кн. Д.И. Вишневецкого и В.С. Заболоцкого, и в 1596 г. передала ему свое жмудское имение Побиятишки, «не могучы про неспособность в розных крывъдах от розных людеи обороны мети»[29]. Продажа земли московитами в ряде случаев объясняется в источниках их плачевными отношениями с соседями, слабостью хозяйства и разорением. Из-за конфликта с местной шляхтой и материальных проблем продали свои земли брацлавский сын боярский Иван Дьяков в начале 1569 г., берестейский сын боярский Война Захарович в сентябре 1573 г., служебник К.К. Острожского по имени Гайдар весной 1606 г.

Защитой против местных кланов, а одновременно инструментом контроля над перебежчиками служили временные и не всегда разграниченные гнездовые поселения московитов. Именно так появились крупные центры московских поселений на Волыни – луцкие Князские и кременецкие Вороновецкие. В имении Кнежи еще в правление Сигизмунда I Старого сложилось совладение детей боярских Садыра, Степана Байкачкарова, Григория Ивановича

Солнцева, Федора Матвеевича, Микиты Гавриловича и Тимофея Семеновича Зыка. Около 1545–1546 гг. случилась трагедия: Садыр убил Степана и бежал из Литвы. На их место в июне 1546 г. были вновь на совместном праве поставлены оставшиеся дети боярские «Кнежские с Кнежа». Дети Микиты и Тимофея успешно интегрируются в волынский шляхетский социум: сохраняют за собой Кнежи и фамилию «Князские», роднятся с Ощовскими, Холоневскими, Берестецкими. Федор Тимофеевич, а возможно, и его отец служат в конце 1570-х – начале 1580-х годов кн. А.М. Курбскому.

В первый же год войны между Россией и Литвой за Ливонию образовалось гнездо московитов в Кременецком повете, где лежали владения матери короля Боны Сфорца. Король пожаловал детям боярским Омельяну Ушаку, Льву Зверю и Захарию Вепреву село Куликово, и оно закрепилось после смерти Льва и Захария за Ушаками-Куликовскими. Вороновецкое имение получили тот же Омельян Ушак, князь Григорий Подгорский, Степан Шарапа, Петр Остафьев и Мокей Бесчастный. Князь Григорий и Омельян стали свояками, женившись на сестрах-шляхтянках из татарского рода Толмачей, и вступили в борьбу за доставшиеся им в посаг части имения Борки. Многотрудным был жизненный путь П.В. Остафьева-Вороновецкого. Он не выдержал противостояния с кременецким старостой кн. М.А. Збаражским и поступил на службу к кн. А.М. Курбскому. У князя получил ковельское село Трублю и вступил в его судебные дела, в чем-то повторяя карьерный путь Ф.Т. Зыка Князского. Однако с осени 1581 г. отношения между паном и служебником осложнились. Князь подозревал поверенного в махинациях бланками документов. Подозрения привели к развязке 9 августа 1582 г. Петр был застрелен слугой Курбского Иваном Постником Туровицким.

В Кременецком повете получили наделы также московиты-служебники В.С. Заболоцкого. После продажи им Лепесовки они также исчезают из Волыни и позднее появляются вновь по-соседству друг от друга на Жмуди. Кременецкие и луцкие гродские и земские актовые книги уже с первых лет жизни московитов в Кременецком повете служили для них инструментом интеграции, а также борьбы с местной шляхтой и старостами, и нередко – друг с другом.

Владения Агиша, Умара, Алексея и Прокопия Сарыхозиных в Вилкомирском, Упитском поветах и на Жмуди управлялись братья-

ми совместно и расширялись позднее благодаря деловым талантам Агиша за счет имений других московитов – вдовы кн. А.М. Курбского А.П. Семашко, В.З. Жохова, В.Д. Ширагова, О. Бахтияра Измайлова. Тетерины имели нечеткие границы с Курбскими в Упитском повете, из-за чего Д.А. Курбскому и его матери пришлось многие годы на рубеже XVI–XVII вв. посвятить спору за один «застенок» с Ф.Т. Тетериным, его детьми и их опекунами – вдовой Федора Г.Ф. Радиминской, ее вторым и третьим мужьями и детьми от брака с Тетериным. В совместное держание получили в 1582 г. землю во дворе Мостовском староства Городенского стрельцы Ждан Иванович, Федор Моисеевич, Иван Онисимович, Стефан Альферович и Бажан Иванович, плененные в 1579 г. в Полоцке. Одновременно были награждены деньгами и в одном регионе получили земельные наделы дети боярские, перешедшие на сторону Стефана Батория во время Псковского похода 1581–1582 гг. Акты Литовской Метрики о награждении упитскими имениями московитов-перебежчиков начала 1580-х гг. братьев Хлусовых, Б. Слизова и П.В. Кокошкина, В.Д. Ширагова, И.Ф. Дурасова, А. Борисова выступают единой подборкой[30]. Этот факт говорит о продуманной политике, направленной на создание гнездового поселения.

В совместное держание получили в мае 1584 г. имение в Можухновском войтовстве братья Иван и Семен Хлусовы. На рубеже XVI–XVII вв. выморочная доля Ивана перешла к господарю и была передана слуге королевской канцелярии Ф.И. Баке, а Семен получил право на продажу остатка совместного имения и продал его в феврале 1601 г. тому же Баке. Общее имение держали два московских рода – Борисовы (с декабря 1584 г.) и Дурасовы (с мая 1584 г.). И.Ф. Дурасов передал в феврале 1601 г. остаток своего имения племяннику Владимиру. После смерти стрелецкого головы П.В. Кокошкина его имения в Гигебротском (Илигебродском) и Подевском войтовствах в апреле 1585 г. перешли в держание московита З.Г. Ступы Телеснина, который еще в ноябре 1582 г. вместе с братом У.Г. Сутурмой Телесниным получил часть трабского имения полоцкого пленника-московита Л.Т. Ракова, а в ноябре 1584 г. обособился от брата и получил в старостве Упитском небольшое владение, до того временно принадлежавшее полоцкому шляхтичу. В ноябре 1585 г. староста упитский Я.Я. Глебович перераспределил местные имения московитов, «зносечи сынов боярских в одно местцо»[31].

Шляхта московского происхождения не пользовалась особым вниманием польских геральдистов. И причин тому немало. Прежде всего, видимо, неавторитетным был сам корень родословия. От московита происходить было хуже, чем от любого другого иностранца. Некоторые роды и сами старательно забывали о своем московском происхождении или, как было в случае Ляцких, изобретали себе польское. С другой стороны, много родов вымерло, не оставив мужского или никакого потомства. Беспотомно умерли С. Костомаров, Телеснины, Хлусовы. Никто из названных выше полоцких воевод не оставил в Речи Посполитой мужского потомства. Раньше остальных, к началу декабря 1580 г. выбыл шурин Заболоцкого Телятевский – его жена и дочь сохранили часть его имений. Двое других исчезли из польско-литовских источников одновременно, к ноябрю 1582 г. Жена М.И. Ржевского Авдотья Ржевская-Заволоцкая вымолила у короля пожизненный надел вместо имения мужа. Дочь Л.Т. Ракова получила одно из трех сел отца, тогда как другие два отошли московитам Телесниным. И лишь П.И. Волынскому была суждена долгая жизнь, он беспотомно умер до 2 августа 1613 г., а его фольварк и движимость перешли jure caduco к слугам господарской канцелярии Ф. Ельцу и С. Гралевскому.

Тем не менее ряд шляхетских семейств вели свои родословия от московитов. От И.В. Ляцкого происходят Ляцкие, от кн. И.Д. Губки Шуйского – князья Шуйские, от кн. А.М. Курбского – князья Курбские Ярославские, от Т.С. Зыка и Микиты Гавриловича – Князские, от О.О. Ушака – Ушаковы-Куликовские, от кн. Г.Ф. Подгорского – князья Подгорские-Вороновецкие, от П.В. Остафьева-Вороновецкого – Вороновецкие, от Т.И. Тетерина – Тетерины, от Умара и Алексея Сарыхозиных – Сарыхозины, от В.Ф. Дударова – Дударовичи. Потомки Григория Жука в Великом княжестве Литовском – Жуковичи, Ивана Голохвастова – Олофасты. Фамилии московитов иногда совпадали с фамилиями местных шляхтичей. Князей Курбских Ярославских в латинской транскрипции их имени «Krupscy» можно было спутать с шляхтичами Крупскими, Заболоцкого («Zabłocki») – с Заблоцкими, Жука и его сыновей – с Жуками.

Отметим в связи с переименованиями, что московитам в Речи Посполитой должны были импонировать переименования, неимоверно поднимающие звучание их имен. Отчества даже обычных детей боярских пишутся здесь с *-вич*, а в фамилиях князей нередко

возникают яркие квазивладетельные титулы *Курбский Ярославский*, *Микулинский Ярославский*, *Оболенский*, равняющие их с далекими могущественными предками. По всей видимости, берестейские Шуйские в XVI в. не настаивали на своем происхождении от Суздальских и никогда не использовали ни двойной фамилии, ни самого по себе титула *Суздальский*. Впрочем, в сознании польско-литовской и московской эмигрантской элиты во второй половине XVI – начале XVII в. сохранялось убеждение в том, что Шуйские происходят от великих князей суздальских, а те были незаконно лишены великими князьями московскими «власти старшей руской между всеми кнєжаты»[32].

Некоторые московиты не оставили мужского потомства, но породнились с местной шляхтой, выдав замуж своих дочерей. Дочь слуги Курбского К.И. Зубцовского Анастасия вышла замуж за волынского шляхтича Л.В. Древинского, дочь кн. В.И. Телятевского Микулинского и О.С. Заболоцкой Мария – за представителя литовского магнатского рода Г. Ходкевича Немиру. За шляхтичем М. Калиновским была Марина Бунаковна – дочь кого-то из московских Бунаков. Дочь Б. Слизня вышла замуж за ошмянского шляхтича Ф.П. Головнича Войну. Уникальна «брачная политика» вдовы кн. М.А. Оболенского Федоры Федоровны Мироновны. Сама она после смерти мужа вступила в брак с кн. С. Юрагой Гедройцем. А ее дочери уже в эмиграции вышли замуж за московитов: Полония – за Д.И. Бельского, а Ганна – за С. Криженина.

В ряде случаев московиты женились на вдовах-шляхтянках, чем сразу завоевывали себе место «добрых людей» среди местной шляхты. Так, в числе шляхтичей, приносящих присягу на постановлении об инкорпорации Брацлава и Винницы в состав Короны Польской, были московиты Остафий Бахтияр Измайлов и Андрей Афанасьевич, о которых в реестре были сделаны выразительные примечания: «взявший в жены вдову...» с указанием имен шляхтянок[33]. Этот путь вел к интеграции детей боярских в шляхетский социум, однако бракоразводный процесс А.М. Курбского с М.Ю. Гольшанской 1577–1581 гг. показывает, с какими юридическими трудностями сталкивались московиты, если пытались лишить сводную родню права на наследование ленных имений. Княжеская семья в этом случае не была исключением: выморочный надел московита-шляхтича с согласия короля, панов радных и сейма мог перейти к

боковым представителям рода вдовы. Именно так случилось, когда после смерти московита Михаила Монастырева его жена, бывшая в первом браке за Матвеем Милюковичем, передала 3 марта 1599 г. упитское село Монастырева Жобаны своему сыну Саулю Милюковичу[34].

Возвращающихся на родину московитов в XVI–XVII вв. было совсем немного. Уникальный пример в XVI в. представляет некто Богдан, который служил в Речи Посполитой «через час немальи», был отпущен «от пана своего», а затем и королевским универсалом от 15 декабря 1591 г.[35] Эта ситуация облегчалась для московита тем, что его сюзереном был не король, а шляхтич, и возможно, после расставания с ним у Богдана не оказалось собственного имения в Речи Посполитой. Король лишь подтвердил право на проезд через границы. Если бы слуга господаря решился на выезд, ему пришлось бы открыто получить право на продажу имения, и скорее всего не получить его, а также привести основания для выезда и отвести подозрения в шпионаже. Долго обсуждалось, но закончилось одними словами возвращение Тетериных, Сарыхозиных и Бельских в 1588 г. Это был как раз пример, когда прощение в Москве получили королевские дворяне. «Изменники» Смуты Михаил Салтыков и князь Юрий Трубецкой также получили амнистию, однако ею не воспользовались. Впрочем, амнистия была востребована в самой России, где аристократические роды после Смуты недосчитались в своих рядах «паршивых овец». Более поздние торжественные приглашения и встречи из эмиграции И.М. Салтыкова, В.А. Ордина-Нащокина, а также подлинных и самозванных князей Курбских отвечали потребности московского двора в переосмыслении прошлого, прощении бывших врагов и опровержении образа России как закрытого варварского царства. Труднее понять, как обошелся без прощения своих заграничных изменников и их родичей в России Иван Грозный. И как обошлись его придворные и дети боярские. Возможно, механизм очищения российского общества того времени от «измены» воплотился в ритуалах, которые в нашем сознании не вяжутся с каким бы то ни было очищением.

Русско-московское единство в шляхетском социуме Речи Посполитой состоялось не только на уровне социально-демографических процессов. Трудности и перспективы объединения всех «русских» в один народ вызывало оживленный интерес у теоретиков,

которые предлагали свои ответы на вызовы польско-литовской религиозной политики и на имперские проекты Москвы. Работавший над своими историческими поэмами в годы Ливонской войны М. Стрыйковский корректировал на протяжении 1570-х годов представление о Москве, принимая в ранних версиях хроники московские посольские exempla – декларации прав «Московита» на верховенство над русскими землями. В «Хронике Европейской Сарматии» (1577) и «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» (1582), опубликованных в годы Московских походов Стефана Батория, эти оценки были существенно сглажены и дополнены более привычным для европейцев образом варваров-московитов. Интеллектуальная жизнь Речи Посполитой после Люблинской унии позволяла открыто озвучивать идеи, балансирующие на грани утопии и государственной измены. К этой грани, видимо, не подступил кн. А.М. Курбский. Языковой московско-рутенский симбиоз его эмигрантских сочинений сам по себе воплощает конвергенцию «здешней» и «тамошней» Русской земли, однако в своих суждениях на этот счет князь Андрей был сдержан: его планы и идеалы не были для него предметом описания, да по всему видно, что он и не был склонен к их построению. Составить себе его образ объединенной Руси можно по отдельным намекам – по тому, как прославлены в его литературных сборниках (1570-е – 1583) домонгольская «Великая Русь», время главенства суздальских и тверских великих князей, пора совместной борьбы русских великих князей против татар, совсем недавняя разросшаяся почти до границ вселенной «Святорусская империя». Близкий друг Курбского и «некоронованный король» польско-литовской Руси кн. К.К. Острожский, вероятно, разделял взгляды ученого московита. В его представлениях (после 1574 г.) «русский народ» Речи Посполитой – единый субъект истории, перешедший из древней Руси «Повести временных лет» через королевство его «предка» Даниила Романовича Галицкого под власть Острожских. Князь Константин, невзирая на подозрения в изменнических замыслах, поддерживает независимые от короля контакты с Москвой и с Константинополем, выдвигает свой проект церковной унии, в котором Москве отведено место одной из договорных сторон, а накануне заключения Брестской унии выступает с решительным протестом против унийных Торчинских артикулов, обвиняет Сигизмунда III в нарушении консти-

туционных основ «Pacta conventa» и открыто угрожает королю государственным переворотом, что на фоне восстания С. Наливайко воспринимается как начало вооруженного противостояния Руси с Короной.

В заключение наметим границы той идентичности, которая, как шлейф, тянулась в Речь Посполитую вслед за московскими эмигрантами и, конечно, не была бесконфликтным стереотипом, а постепенно в дискурсивной практике оттачивалась в ментальный ресурс. Прежде всего, московиты не нашли социальной ниши, которая бы открыла для них путь к правовому обособлению от других «народов», и, следовательно, им, в отличие от армян и евреев, предстояла полная интеграция. В целом, она была возможна в пяти направлениях. Боярские аристократы, дворяне, дети боярские, стрельцы и дворцовые слуги, доказав свое знатное происхождение, сближались или сливались с шляхтой, духовные лица – с местным православным белым и черным духовенством или с реформационными сектантами, крестьяне и горожане – с местными селянами и горожанами, все названные категории московитов встречаются в рядах казаков и, наконец, многим довелось пополнить ряды «пахоликов» и «девок» и служить в роли невольников. Присоединение московских владений и завоеваний к Речи Посполитой после Ливонской войны и Смуты – в первую очередь, Полоцка и Чернигово-Северской земли – открывало для польско-литовской власти проблему, решение которой было намечено в польско-литовской Руси (впрочем, это не отменяло многочисленных новых трудностей).

Возможность превращения московского русского в польско-литовского и все названные нами выше социальные альтернативы этого превращения, в принципе, сближали московитов с татарами, несмотря на то что интеллектуальные этногенетические модели препятствовали их отождествлению. Происхождение московитов от сына или внука Иафета «Моска» доказывало для мыслителей польско-литовского ренессанса братство московитов с чехами, поляками и русскими, и в некоторых схемах – старшинство над ними. Впрочем, просвещенных польско-литовских читателей такое родство могло скорее опечалить, чем обрадовать, так как московиты, с точки зрения европейцев, были дики и грубы в нравах, необразованны и суеверны, а несколько исключений из их числа мало меняло общую картину, формируемую европейскими путеше-

ственниками и теоретиками. К таким исключениям, впрочем, относятся хорошо образованные московиты печатник Иван Федоров, протестант-антитринитарий Феодосий Косой, богослов-нестяжатель Артемий, эрудит и картограф И.В. Ляцкий, меценат-литератор кн. А.М. Курбский, переводчик кн. М.А. Ноготков Оболенский, студент Замойской академии Петр Иванович.

В повседневной жизни польско-литовской шляхты такое двуединство идентичности приводило к тому, что в родственных, приятельских, дружеских и любых мирных контактах с московитами вполне допускалось общее родство и культурная близость русских-московитов с русскими-рутенами, в то же время в конфликтах акценты расставлялись иначе, и чужеземцы-московиты меняли свое обличье, сближаясь с татарами. Этому содействовали различные обстоятельства переселения московитов на территорию Речи Посполитой. Среди них было немало татар и пятигорцев, перешедших на королевскую службу с царской. С другой стороны, московские дети боярские наделялись землей по господарским привилеям в домене господаря и его семьи. Таким же образом татары оседали на русских землях Великого княжества Литовского еще в годы правления Владимира Ольгердовича и Витовта Кейстутовича. Гнездовая организация поселений сближала московитов с татарами. Этой общей черте в землевладении соответствует сходство в организации военной службы: и московские, и татарские роты действовали в польско-литовских вооруженных силах с первых лет Ливонской войны, причем нередко московиты возглавляли татарские подразделения и, наоборот, под командованием ротмистров-татар были воины-московиты.

По-своему связан с образом московита другой амбивалентный герой польско-литовских дискурсов – казак. Несмотря на стабильно низкий процент московитов в запорожском войске с 1570-х годов до Казацких войн середины XVII в., симбиоз двух культурных маркеров принес богатые плоды в польско-литовской культуре того времени. В официальной пропаганде роль и численность московитов в казацких рядах намеренно преувеличивалась с 1540-х годов, чем снималась ответственность власти за набеги казаков на турецкие владения и списывалась вина за преступления на разноэтничный сброд, ушедший с подвластной королю территории в степи и во владения великих князей московских. Этот стереотип

был востребован со времен московской Смуты и с новой силой с 1630-х годов, когда польским властям приходилось сталкиваться с переходом десятков тысяч казаков в Россию и возвращением оттуда пополненных московитами казацких полков.

Другая грань этой же дискурсивной структуры открывалась в образе московита на королевской и господарской службе в обличии казака и во главе казаков. Немало московитов на службе у польских ротмистров на Подолье в 1520-е – 1550-е годы, в середине XVI в. звездные походы кн. Д.И. Вишневецкого привлекли в его войско, с согласия Ивана IV и боярской думы, не только «простых» московитов, но и детей боярских. Ротмистры-московиты времен Ливонской войны возглавляли и посылали на военную службу свои казацкие отряды, что на языке источников второй половины XVI в. значило: роту легкой конницы, которая отличалась от других родов войска и, прежде всего, от тяжеловооруженных «бояр панцирных». Однако различия между родами войск и социальными группами были на польско-литовских восточных «украинах» не вполне оформившимися. Образ московита, возглавляющего роту казаков, имеет экономический подтекст. Как правило, даже успешный ротмистр московского происхождения располагает десятками «неоселых» слуг, среди которых татары, московиты и «гулящие» люди, и лишь немногими обжившимися воинами, держащими землю на условии военной службы, из круга которых пополняется контингент тяжеловооруженной конницы. Ватаги конников-казаков под командованием В.С. Заболоцкого, А.В. и У.В. Сарыхозиных, А.М. Курбского и его служебников наводят ужас и приобретают славу безжалостных воинов и на вражеской территории, и во владениях Речи Посполитой. В этом стереотипе в золотой век польской шляхты не было ничего сугубо московского, однако, по стечению обстоятельств, казаки-головорезы польской пропаганды, легковооруженные конники-московиты на королевской службе, «рокошане» и «лисовчики» отправлялись в один и тот же угол ментальной карты и иногда являлись оттуда в цивилизованный мир, принося ужас и разрушения.

Применима ли формула интеграции рутенов в Корону Польскую «gente Ruthenus natione Polonus» к меньшинствам, которые могли бы сказать о себе «gente Moschus»? Интеграцию московитов допускал язык польско-литовских хроник и местной интеллектуальной

элиты, черпавшей свои ориентиры из античной историко-географической мысли в ее ренессансных переоценках. Однако под влиянием М. Меховского, С. Герберштейна, М. Кромера, М. Бельского, М. Стрыйковского и А. Гваньини посягательства Москвы на Русь были представлены как имперская амбиция, основанная на идее преемственности между древней Русью и Московским царством. Более того, польско-литовской власти приходилось противостоять тенденции русских земель к сближению с Москвой. Дополнительные факторы конфронтации с Москвой выросли на рубеже XVI–XVII вв. Осуществление Брестской церковной унии упиралось в вопрос о поддержке Москвой традиционного православия. В противостоянии «Руси униатской» и «Руси православной» Речи Посполитой нейтрализация Москвы – как и нейтрализация казачества – являлась отнюдь не задачей внешней политики. С другой стороны, принятие и размещение московитов на землях польского короля и литовского господаря в годы Ливонской войны, в правление царя Федора Ивановича и затем в годы Смуты происходило независимо от проектов инкорпорации всех московитов в состав Речи Посполитой или нейтрализации России в противостоянии конфессий на польско-литовских русских землях. Стефан Баторий в своей эпитафии В.С. Заболоцкому, отправленной каштеляну троцкому С.М.-К. Радзивиллу Перуну, называет убитого ротмистра «natione Moschus Vłodimirus Zabłoczki»[36]. Буквальный перевод этих слов «родившийся московитом», «по рождению московит», «прирожденный московит» надежнее обобщений, привлекающих концепты этничности. Однако исследователи высказывают сомнения и в отношении применимости этих концептов к воспроизведенной выше формуле, приписываемой С. Ожеховскому. Понятия «gens» и «natio» не выстраиваются в его сочинениях в двухъярусную иерархию и предстают в том единстве, в котором идентичность складывается из двух равноправных категорий «русский» и «поляк». Номинация «по нации московит, по роду русский», если бы ее кто-то и озвучил, не содержала бы, конечно, тех обманчивых административно-этнических коннотаций, которые применимы к жителям Русского воеводства Короны Польской, однако проблема двуединства ее семантики ничем не отличалась бы от проблем идентичности «русского поляка». Никакой универсальной этнической идентичности, объединяющей в единую нацию жителей всей страны в целом, не было

в конце XVI – начале XVII в. ни в России, ни в Речи Посполитой. Становясь «московитом», выходец из России в Речи Посполитой приобретал новую идентичность, а вместе с нею – приглашение с нею расстаться.

Примечания

1 *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 9–27.

2 *Brogi Bercoff G.* Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie, Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa Środkowo-Wschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym // Contributi italiani al XIII congresso internazionale degli slavisti. Pisa, 2003. S. 325–387.

3 О российских номинациях «своей» коллективной идентичности в раннее Новое время см.: *Wirtschafter E.K.* In Search of the People, In Search of Russia // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 4. P. 497–504; *Tolz V.* Russia: Inventing the Nation. London, 2001.

4 *Łatyszonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.

5 *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, 2006; *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. С. 57–95.

6 *Хорошкевич А.Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 135.

7 *Саганович Г.Н.* Русь в прусских хрониках XIV–XV веков // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М., 1999. С. 102.

8 *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. С. 60–61.

9 *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Вид. 3-є, переробл. та розшир. Київ, 2006. С. 162–163.

[10] *Mund S.* Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève, 2003; *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009.

[11] Мы здесь не касаемся проблемы установления происхождения иммигрантов в Речи Посполитой. Отметим лишь, что эта проблема рассматривалась исследователями казаческих реестров XVI–XVII вв.: *Jabłonowski A.* Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną // Kwartalnik historyczny. 1893. Rocz. VII. Zesz. III. S. 427; *Tomkiewicz W.* O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku // Przegląd historyczny. 1948. T. XXXVII. S. 257; *Luber S., Rostankowski P.* Die Herkunft der im Jahre 1581 registrierten Zaporoger Kosaken // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1980. Bd. 28. Hf. 3. S. 370–371.

[12] Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М.М. Кром. М.; Варшава, 2002. С. 39–41.

[13] *Ерусалимский К.Ю.* 30 апреля 1564 года // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 151 и сл.

[14] *Piwarski K.* Niedoszła wyprawa t. z. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567/8) // Ateneum Wileńskie. 1928. R. 5. № 14. S. 90–91.

[15] *Bardach J.* Statuty litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999. S. 23.

[16] Центральний державний історичний архів України в м. Києві. Ф. 25 (Луцький гродський суд). Оп. 1. Спр. 5. Арк. 142 зв.–144 зв.

[17] Там само. Спр. 11. Арк. 177–177 зв. Благодарю Н. Белоус за указание на данную актовую запись.

[18] Там само. Ф. 44 (Вінницький гродський суд). Оп. 1. Спр. 1. Арк. 578.

[19] Там само. Ф. 21 (Кременецький гродський суд). Оп. 1. Спр. 18. Арк. 98–98 зв.

[20] Там само. Арк. 98 зв.–99 зв.

[21] *Тесленко І.* Боротьба за Острiг: князь Острозький проти Острозького старости // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 3. Київ, 2003. С. 113–114.

[22] *Яковенко Н.* Нарис... С. 252–257.

[23] Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. III (Rachunki nadworne). Sygn. 3. K. 232v, 233v, 235v.

[24] Ibid. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V (Listy domów obcych). Sygn. 16475. S. 24.

[25] AGAD. Bielskie grodzkie ks. Nr 69. K. 93v; Vilniaus universiteto biblioteka. F. 7 (LDK teismų knygos). Upitės žemės teismo. № 10. S. 575–577;

Акти Житомирського гродського уряду: 1590 р., 1635 р. / Підг. В.М. Мойсієнко. Житомир, 2004. С. 71–72, 78; *Горін С.* Жидичинський Свято-Миколаївський монастир (до середини XVII сторіччя). Київ, 2009. С. 67–77 и др.

[26] Российский государственный архив древних актов. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Д. 66. Л. 18 об.–19; Д. 73. Л. 423 об.–424, то же: Д. 74. Л. 303; Д. 73. Л. 428 об.–429, то же: Д. 74. Л. 307 об.–308.

[27] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 76. Л. 390–391.

[28] *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 144–169, особенно с. 158–162; S. 189–200, 201–221, особенно с. 209–221; цит. со с. 148. См. также: *Grala H.* Czerkiesi i Nogajcy w służbie Rzeczypospolitej. Kilka uwag o najemnych i posiłkowych formacjach tatarskich w drugiej połowie wieku XVI // Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 1998. Z. V. S. 15–35.

[29] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 83. Л. 91 об.–92.

[30] Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 70 (1582–1585). Кніга запісаў № 70 (Копія канца XVI ст.) / Падрыхт. А.А. Мяцельскі. Мінск, 2008. С. 94. № 29–29-1; С. 192–194. №№ 123–124-4.

[31] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 86. Л. 190; Д. 275. Л. 436–438.

[32] Biblioteka Kórnicka PAN. Oddział w Kórniku. Rkps 289. S. 45; РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 16–17; *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 2. С. 180 (л. 83 об.).

[33] Źródła dziejowe. T. 20. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. 9. Ziemie ruskie. Ukraina (Kijów – Bracław) / Opisane przez A. Jabłonowskiego. Warszawa, 1894. Cz. 2. S. 102.

[34] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 84. Л. 299–299 об., то же: Д. 86. Л. 10 об., см. также л. 425 об.–426, 895, 911–911 об., 953–953 об.

[35] Там же. Д. 76. Л. 193–193 об.

[36] Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. Rkps 307. Rkps 1662. S. 412 (карандашная пагинация).